

Томясь от скуки, я снова глянул в правила и предписания. Пока я читал унылые строки, за дверью послышался беспорядочный шум и крики. Начался бунт?

Я немедленно отбросил правила и бросился к двери. Когда я уже собирался открыть ее, дверь с грохотом распахнулась.

Первой вошла женщина-надзиратель, похожая на мужчину, говорившая со мной во время еды. За ней последовали две другие надзирательницы, сопровождавшие заключенную.

Заключенная маниакально дергалась и кричала:

— Отпустите меня, отпустите меня! Отпустите!

С растрепанными волосами, она напоминала разъяренную львицу, пытаясь с криками оттолкнуть надзирательниц.

Три надзирательницы втащили ее в комнату и крепко прижали к полу. Они надели ей на рук наручник, а второй конец наручников привязали к табурету. Только тогда я понял, что ножки табурета были приварены к полу.

Заключенная кричала безумно и бессвязно:

— Отпустите меня! Выпустите меня, убирайтесь! Я хочу выйти!

— Если продолжишь двигаться, я забью тебя до смерти! — ответила тюремщица, похожая на мужчину.

Черт возьми, там действительно не относились к заключенным как к людям.

Заключенная все еще тряслась и кричала. Надзирательница снова выругалась:

— Ладно! Разрешаю тебе орать! Верещи изо всех сил, сука! А потом я перережу тебе горло!

Я спросил одну из охранниц:

— Что не так с этим человеком?

— Я не знаю, — сказала она. — Она словно с цепи сорвалась.

— Ей что-то давали? — спросил я.

— Я не знаю, — сказала она сердито, — поэтому привела ее к вам! Вы вылечите ее, а мы заберем ее позже, когда она успокоится.

После чего они втроем вышли.

Предоставив разъяренную львицу мне.

Женщина билась в истерике, и я не понимал, плачет она или смеется. Потом она несколько раз крикнула, чтобы я вышел, и наконец разрыдалась.

Хотя преподаватели психологии учили нас, как вести себя с пациентами с различными психическими заболеваниями, они не говорили, как вести себя с сумасшедшими женщинами-заклученными, страдающими психическими расстройствами.

Я решил подождать, пока она успокоится, прежде чем заговорить.

Ее долгий и громкий плач сменился на тихие всхлипывания.

Я поздоровался:

— Привет.

Она медленно подняла голову. Она показалась мне очень честной на вид женщиной лет тридцати, хотя в глазах ее можно было прочесть усталость, а слезы контрастировали с улыбкой. Отчаянная безбожница.

— Простите, вас кто-то обидел? — спросил я ее.

<http://tl.rulate.ru/book/105821/3851506>